

П.В. Шлыков

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В ТУРЦИИ: ПОИСКИ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В Турции исламистская политическая идентичность традиционно формировалась на принципах оппозиции, неприятия Запада и вестернизации, иначе – радикальной модернизации 1920–1930-х гг. Между тем за последние 15–20 лет движение политического ислама постепенно отошло от привычного «антизападничества» и включилось в трудный процесс пересмотра и переосмысления Запада и его ценностей. Вопрос, как совместить наступающий «исламский ренессанс» с вестернизацией, вызывавший тревоги и споры на протяжении долгого времени¹, получил неожиданное развитие. Новый лидер движения политического ислама в Турции – Партия справедливости и развития (ПСР) совершенно иначе стала трактовать устоявшиеся категории и постулаты исламизма. Вместо проектов построения исламского государства – углубление демократии и расширение гражданских свобод, вместо продвижения проекта большой «восьмерки развивающихся мусульманских стран» (М8)² – вступление в Европейский Союз и либерализация законодательства и Конституции. Налицо идеологическая трансформация политического ислама в Турции, заставляющая по-новому взглянуть на всю предыдущую историю формирования исламистской политической идентичности³ в стране, имеющей репутацию «самого вестернизированного государства» мусульманского мира.

Для происламски настроенной части общества кемалистские реформы сделали очевидным тот факт, что не Запад сам по себе, а именно вестернизация и «вестернизаторы» вытеснили ее из публичной сферы, а в ходе радикальной секуляризации исламская политическая платформа, оформившаяся в конце XIX – начале XX в. при султане Абдулхамиде II⁴, оказалась делегитимизированной⁵. Так, 10 апреля 1928 г. Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) исключило из Конституции положение об исламе как государственной религии, ввело гражданскую присягу президента и депутатов, исключило фразу о том, что парламент будет осуществлять положения шариата⁶. А девять лет спустя – 5 февраля 1937 г. во 2-ю статью Основного закона были включены шесть принципов государственного строительства (знаменитые «Шесть стрел» Кемаля Ататюрка), принятые на съезде правившей Народно-республиканской партии (НРП) в 1931 г. (республиканизм, национализм, народность, этатизм,

секуляризм и революционность)⁷. Политика отделения религии от государства и одновременно ее подчинение последнему вызывала у традиционно настроенного большинства общества (представленного жителями провинциальных городов и турецкой деревни) недовольство и отторжение⁸. Это неприятие радикальной секуляризации и вестернизации республиканской Турции, воспринимавшейся как смена «цивилизационного пути», основанного на верности нормам ислама⁹, сыграло главную роль в формировании исламистской политической идентичности.

Для кемалистов¹⁰ проект секуляризации общества и конечный его успех стал вопросом политического выживания в контексте противостояния вестернизированного центра и традиционалистской периферии¹¹, о чем свидетельствовали жесткие меры при подавлении крестьянских выступлений в Анатолии (1920–1930-е гг.). После Второй мировой войны с переходом к многопартийной системе несогласие по поводу природы и понимания лаицизма/секуляризма постепенно становилось полем противоборства внутри политической и отчасти государственной элит. Так, Аднан Мендерес, возглавивший правительство в 1950 г., разделил реформы Ататюрка на «воспринятые и невоспринятые народом», под последними подразумевались именно преобразования, связанные с лаицизмом¹². В этой ожесточенной борьбе за власть кемалисты как к высшему арбитру стали обращаться к армии, возложившей на себя роль защитника и стража принципов Кемаля Ататюрка.

В процессе трансформации турецкой политической системы после военного переворота 1960 г. и повышения степени демократичности турецкого общества, выразившейся в принятии «либеральной» Конституции 1961 г.¹³, возникают условия для оформления политического ислама, подготовленные еще ранее включением в обязательную программу начальных классов уроков религии (1951) и возрождением школ имамов-хатибов (1948)¹⁴, ставших впоследствии кузницей кадров исламистов. Уже с конца 1950-х гг. стали появляться партии, которые связывали свою политику с «мусульманскими ценностями». Так, праворадикальная Партия националистического движения – ПНД (в 1958–1965 гг. – Республиканская крестьянская национальная партия) – провозгласила в качестве одной из основ своей деятельности и исламизм¹⁵. Однако первой последовательно происламской партией¹⁶ стала основанная в 1970 г. Партия национального порядка (ПНП)¹⁷ Неджметтина Эрбакана. Год спустя ПНП была закрыта по решению Конституционного суда. А еще через год бывшие члены ПНП основали новое политическое объединение – Партию национального спасения (ПНС). Получив 11,8% на парламентских выборах 1973 г. и 8,6% – в 1977 г., ПНС входила в

состав всех коалиционных кабинетов в период 1973–1980 гг., став важным элементом турецкой политической жизни (расстановка сил в межджисе делала возможным формирование правительства только при ее участии)¹⁹.

Эти партии создавались в рамках основанного Неджметтином Эрбаканом движения Милли Гёрюш (Национальный Взгляд)²⁰, для которого тема вестернизации и негативного отношения к Западу определила формирование собственной идентичности²¹. Для концепции «национального взгляда» основной вопрос заключался в том, насколько вестернизация, взятая как единое целое вместе с вводимыми ею институтами, идеями и ценностями, угрожает исламской цивилизации. Основатели Милли Гёрюш были убеждены, что вестернизация для республиканских лидеров первой волны означала отказ от традиционных – исламских – ценностей и институтов. Поэтому для построения «национального порядка» требовалось не только полностью ликвидировать западное влияние – вернее, доминирование, но необходимо также было исключить и все последствия кемалистской вестернизации²².

Итак, по Неджметтину Эрбакану, Запад – корень всех проблем, абсолютное «другое». Поэтому и «национальное я» должно было формироваться «апофатически», через отрицание Запада²³. Не только платформа Милли Гёрюш, но и политическая идентичность многих других движений строилась на отношении к Западу: либо через отстаивание «национального взгляда», либо через апологику Запада²⁴. В концепте «национального взгляда» утверждалось, что Турция никогда не принадлежала Западу – ни исторически, ни культурно, ни географически, наоборот – ее прошлое, культурные ценности и политические институты были частью исламского мира, который сейчас необходимо было мобилизовать на противостояние Западу. Происламская ориентация движения, его призыв к началу исламской экономической интеграции и созданию оборонительного союза – все это было вызвано провозглашаемой необходимостью сопротивления, «ответа» Западу. Проект «нового» исламского мира был тем самым не просто направлен «вовнутрь себя», его главная задача состояла именно в возвращении исламской цивилизации ее прежнего политического веса и влияния.

Однако вместо полного отрицания реформ и модернизации идеологи Милли Гёрюш провели различие между западной культурой и технологией, выступив за технологическое обновление Турции. В 1970-е гг. руководство движения внесло в свою программу положение о важности не только духовного/морального развития Турции, но и индустриализации страны. При этом создание собственной тяжелой промышленности логично трактовалось как шаг

к избавлению от иностранной зависимости. Акцент на «модернизацию и развитие» как предусловие «освобождения» от гегемонии Запада так и остался главной чертой политической платформы Милли Гёрюш²⁶.

Уже в 1970-х гг. стало очевидно, что партия, ориентирующаяся на исламизм, не может победить на выборах, если у нее нет программы, дающей ответы на насущные проблемы электората. Поэтому в начале 90-х гг. руководство Партии Благоденствия (ПБ)²⁷, пришедшей на смену ПНС, распущенной вместе с другими политическими партиями вскоре после военного переворота 12 сентября 1980 г.²⁸, пришло к выводу, что успех их дела напрямую зависит от трансформации партии в массовое политическое движение с ясной программой, где акценты делаются на решение социальных проблем, а не на религиозные темы, и стратегией политической борьбы, основанной на использовании методов современной пропаганды.

Партия определенно стала искать поддержку у представителей социальных групп, сильно пострадавших от политики либерализации экономики в 1980-е гг.²⁹ Лозунги социальной справедливости резко контрастировали с безразличным отношением к беднейшим слоям общества со стороны право-центристских партий – Партии верного пути (ПВП) и Партии Отечества (ПО), погрязших в коррупции, бесконечных парламентских спорах, связях с мафиозными группами и непрекращающемся вооруженном конфликте в Курдистане³⁰. Осуществляемые ПБ программы социальной помощи³¹ быстро дали свои плоды: уже в марте 1994 г. на местных выборах партия получает 19%, а ее представители становятся во главе муниципалитетов уже 28 (из 70) провинций, включая такие города, как Стамбул и Анкара, – шокирующая ситуация для центристских и секуляристских партий. Однако главным ударом для кемалистских сил стали парламентские выборы 1995 г.³² Из 550 мест в меджлисе ПБ получила 158, далее следовала Партия верного пути (ПВП) Тансу Чиллер – 135 мандатов, третьей оказалась Партия Отечества (ПО), возглавляемая Месутом Йылмазом (132 места). Значительно отстали от этих лидеров две левоцентристские партии – Демократическая левая партия (ДЛП) во главе с Бюлентом Эджевитом (76 мест) и Народно-республиканская партия Дениза Байкала (49 мест).

Партии Благоденствия не сразу удалось реализовать свой успех на выборах, поскольку конфликт между армией – «защитницей» принципов Ататюрка – и ПБ принял острую форму и стал предметом широкого обсуждения в СМИ. Возникшая было «светская» коалиция Йылмаз– Чиллер просуществовала недолго – межпартийное соперничество и личная неприязнь между лидерами двух прокемалистских партий не были преодолены, и коалиция в июне 1996 г.

распалась. Тогда же Неджметтин Эрбакан (исламистская ПБ) и Тансу Чиллер (правоцентристская ПВП) образовали двухпартийное правительство, договорившись путем заключения коалиционного протокола о поочередном председательстве в нем. На первом двух-летнем этапе премьером должен был быть Неджметтин Эрбакан, при этом Тансу Чиллер – вице-премьер и министр иностранных дел. Далее они должны были поменяться постами. Таким образом, впервые в истории республиканской Турции лидер происламской партии занял пост премьера.

Коалиционное правительство (Рефахйол)³³ получило вотум доверия в июле 1996 г. Но в его деятельности сразу появились разногласия между прозападно ориентированной в политике и экономике Тансу Чиллер и отдававшим предпочтение происламскому курсу во внешней и внутренней политике Неджметтином Эрбаканом. Лидер ПБ по-своему отнесся к разработанной правительством умеренной программе, в которой нашли отражение позиции ПБ и ПВП, а также влиятельных оппозиционных партий, отказавшихся от участия в правительстве с ПБ. В программе Рефахйол заявлялось о сохранении курса на вступление Турции в Европейский Союз, верности союзническим военно-политическим соглашениям, оставался тезис о светском характере страны. Но на практике Неджметтин Эрбакан сразу же направил свои усилия на «сохранение исламских ценностей», что соотносилось с идеологией Милли Гёрюш. Он занялся весьма активно внешней политикой, приоритеты в которой отдавал мусульманскому миру. По существу, Неджметтин Эрбакан ограничил возможности Тансу Чиллер в выполнении ее функций вице-премьера и главы МИД. Ориентацию на исламский мир реализовывал и государственный министр, заместитель Неджметтина Эрбакана по партии Абдуллах Гюль. Позиции ПБ по многим внутриполитическим и внешнеполитическим вопросам (в частности, протесты ПБ против увольнения из армии офицеров-исламистов, против запрета появления студенток в мусульманских платках в учебных заведениях, а также гражданских служащих в учреждениях и т.д.³⁴) вызвали недовольство в обществе и настороженность в армии. Партию Неджметтина Эрбакана обвиняли даже в связях с исламистскими боевиками. Кроме того, несмотря на рост своей популярности, к 1990-м гг. у ПБ не было еще четкого и подробно разработанного плана действий, если таковым не считать концепцию «Справедливого порядка» – провокационного и эффектного лозунга, рассчитанного на мобилизацию своих сторонников. 28 февраля 1997 г. (т.е. спустя ровно семь месяцев с момента формирования правительства Неджметтина Эрбакана) Совет национальной безопасности (СНБ) обнародует «Документ о политике национальной

безопасности», указывающий на «реакционные силы» (*иртиджа*) ислама как первостепенную угрозу турецкому государству, более опасную и непосредственную, чем сепаратистский курдский национализм»³⁵, а также принимает ряд решений для «укрепления светского характера Турецкого государства»³⁶, за которыми последовали организованные турецким Генштабом многочисленные пресс-конференции, выступления правоведов, журналистов, ученых и общественных деятелей, рассуждавших об опасностях исламского фундаментализма и идентифицировавших ПБ с реакционной исламской угрозой³⁷.

В рамках кампании против исламистов государственный прокурор Вурал Саваш в мае 1997 г. направил в Конституционный суд заявление с требованием запретить Партию Благоденствия. Уже 18 июня 1997 г. в результате закулисных маневров, завершившихся выходом ПВП вместе с Тансу Чиллер из состава правящей коалиции (и, следовательно, утратой ПБ большинства в парламенте) правительство Неджметтина Эрбакана вынуждено было сложить с себя полномочия. Спустя полгода (16 января 1998 г.) Конституционный суд запретил и саму партию экс-премьера на основании того, что ПБ стала центром антисекуляристской, т.е. антигосударственной, активности. Так решилась судьба третьей партии из движения Милли Гёрюш, закрытой, как ПНД и ПНС, по воле кемалистских властей. Сам же Неджметтин Эрбакан был на пять лет отлучен от активной политической жизни³⁸.

Между тем в конце 1997 г. (еще до закрытия ПБ) сподвижники Неджметтина Эрбакана предусмотрительно создают Партию Добродетели (ПД)³⁹, ставшую четвертой по счету партией движения Милли Гёрюш и вобравшую в себя членов парламентской фракции, запрещенной ПБ. Во многих отношениях ПД отличалась от всех предшествующих исламистских политических объединений. Это очень наглядно проявилось в кардинально изменившемся отношении к Западу. В прошлое ушло «антизападничество» риторики исламистских лидеров и партийных программ. Несмотря на свои исламские корни, ПД выглядела больше проевропейской и проамериканской⁴⁰, поскольку взяла на вооружение либеральные ценности – демократию, права человека, законность, сделав их главными категориями своего политического дискурса.

Реджаи Кутан, возглавивший ПД и ставший в отсутствие Неджметтина Эрбакана идеологом Милли Гёрюш, объяснял, что движение, вернее его партия, больше не будет использовать старые – и уже ставшие традиционными – концепции «национального взгляда» и «справедливого порядка». Теперь исламистов больше интересовали перспективы развития демократии в Турции⁴¹, где, как утверждал

Реджаи Кутан, существует ее определенный «дефицит», хотя страна в этом отношении выгодно отличается от ближневосточных мусульманских государств. Делая акцент на важности демократических выборов, лидер ПД подчеркивал неприемлемость «достижения власти недемократическими методами»⁴² и необходимость «реформирования СНБ в соответствии с принципами западной демократии», чтобы политическое влияние военной и гражданской элиты и бюрократии свелось к минимуму. Иными словами, исламистская партия, добиваясь вступления Турции в Евросоюз⁴³, встала на позиции либеральной демократии и парламентаризма, акцентировала необходимость соблюдения базовых прав и свобод. Так, Реджаи Кутан провозгласил, что «секуляризм не может быть оправданием ограничения свободы в выборе веры»⁴⁴.

Отношение к ЕС у партии Реджаи Кутана также противоречило устоявшимся представлениям о политических ценностях исламистских движений: решительная поддержка интеграции Турции в европейские международные организации вместо прежнего взгляда на ЕС как «христианский клуб». Лидеры ПД в парламенте стали оказывать на правительство давление, чтобы Анкара поскорее принялась за исполнение требований «Копенгагенских критериев»⁴⁵ и наконец-то был дан старт процессу вступления Турции в ЕС. Реджаи Кутан не уставал подчеркивать, что главным пунктом в перечне политических требований ЕС значилось установление демократии, соответствующей «европейским стандартам», что подразумевало изменение Конституции страны, масштабного расширения гражданских свобод⁴⁶. ПД торопилась заручиться поддержкой руководящих кругов ЕС, которая, по ее мнению, могла бы сделать партию более защищенной от внутренних политических катаклизмов, что стало особенно актуально с возбуждением прокуратурой в апреле 1999 г. дела о закрытии Партии Добродетели⁴⁷.

Важное отличие нового политического дискурса Милли Гёрюш (демократия, права человека, господство закона) заключалось в отказе от радикальных настроений и агрессивной риторики начала 1990-х гг., когда это было отличительной чертой партии, сформировавшейся и действующей как строго оппозиционная. Между тем, пытаясь навести мосты с другими политическими силами, ПД теряла популярность среди населения: на выборах 1999 г. Партия Добродетели – в отсутствие харизматичного Неджметтина Эрбакана – набрала лишь 15,5%. Получив 111 мандатов, ПД стала третьей по численности партией в парламенте, однако ее не привлекли к формированию правительства, что неудивительно: сразу же после выборов Конституционный суд начал дело о закрытии ПД по обви-

нению в антиилаицистской деятельности и в том, что она является наследницей запрещенной ПБ.

Неутешительные результаты выборов и осязаемое снижение избирательских симпатий вызвали ожесточенные споры о политической стратегии партии и принципах ее управления. Все четче проявлялся раскол движения на два крыла: старую гвардию исламистов – верных сторонников Неджметтина Эрбакана – и молодых умеренных политиков, или реформаторов, ратовавших за обновление имиджа партии, ее идеологии и лидеров.

На фоне этой дискуссии в мае 2000 г. прошел партийный съезд, ставший очередной вехой в истории движения политического ислама в Турции. Конгресс выявил наличие серьезной внутрипартийной оппозиции: при голосовании по кандидатуре лидера партии кроме ставленника и ученика Неджметтина Эрбакана и тогдашнего председателя ПД Реджаи Кутана о своих претензиях на высокий пост заявил молодой депутат меджлиса, придерживающийся умеренных взглядов, и ближайший сторонник экс-мэра Стамбула Тайипа Эрдогана – Абдуллах Гюль⁴⁸. Несмотря на прямое и открытое лоббирование против Абдуллаха Гюля, за него проголосовала почти половина делегатов. Событие было весьма примечательным, особенно учитывая традицию подчинения своему лидеру и «отцу-вдохновителю» внутри движения Милли Гёрюш. Выходило, что смена политических ориентиров (фактический отказ от концепции «национального взгляда» и переориентация на ЕС) была воспринята серьезно массовым сознанием рядовых членов Милли Гёрюш и не прошла его руководству «даром»⁴⁹.

Хотя на первый взгляд раскол в движении Милли Гёрюш был исключительно отражением борьбы за власть внутри партии, именно осознание опасности потери симпатий электората, с которой движение внезапно столкнулось, стало реальной основой для возникновения противоположных взглядов на характер партийного руководства и различного видения пути развития партии. Пропаганда идеалов демократии и прав человека не смогла стать для масс столь же объединяющей и мобилизующей, как лозунги «национального взгляда» и «справедливого порядка». Вместе с тем и время «антизападничества» ушло в прошлое: по опросам общественного мнения, гипотетическое членство в ЕС поддерживали 70 с лишним процентов населения Турции⁵⁰. Можно предположить, что идеологическая неопределенность внутри движения политического ислама, вызванная резкой сменой политических ориентиров, поставила на повестку дня вопрос о реальном лидере партии и стратегии ее развития⁵¹. Поскольку разделение партии на традиционалистов (сторонников Неджметтина Эрбакана) и реформистов

(сторонников Тайипа Эрдогана) стало очевидным уже к майскому съезду партии в 2000 г., закрытие ПД в июне 2001 г. лишь ускорило и формализовало раскол движения Милли Гёрюш⁵². В конце концов традиционалисты основали свою Партию Счастья (ПС)⁵³ под руководством Реджаи Кутана и с Неджметтином Эрбаканом в качестве духовного лидера, а реформисты принялись за создание своей собственной партии, нацеливаясь на формирование широкой политической коалиции⁵⁴.

Несмотря на отчаянные попытки Неджметтина Эрбакана своим авторитетом поддержать ПС, на всеобщих выборах в ноябре 2002 г. партия получила только 2,5% голосов, не сумев преодолеть 10%-ный барьер для прохождения в меджлис. Еще более печальным для ПС было то, что результат выборной кампании 2002 г. был для партии, принадлежащей к Милли Гёрюш, наихудшим со времени основания движения в 1970-м г. Выборы 2002 г. показали, что пришел конец временам, когда периферийные районы страны были представлены открыто исламистскими политическими партиями, а вместе с этим и прежнему движению политического ислама.

Партия Справедливости и развития (ПСР), лидером которой стал экс-мэр Стамбула Тайип Эрдоган, была официально зарегистрирована 14 августа 2001 г. А уже менее чем через полтора года после своего основания ПСР, фактически вышедшая из недр движения Милли Гёрюш, одержала блестящую победу на всеобщих выборах в ноябре 2002 г., набрав рекордные 34,4% голосов, что обеспечило ей 363 мандата из 550. Ближайший оппонент ПСР – кемалистская Народно-республиканская партия (НРП) Дениза Байкала получила 19% и 177 мандатов. Другие партии не преодолели 10%-ный барьер⁵⁵. Итоги выборов обратили на себя особое внимание тем, что победившие партии не были в предыдущем парламенте, а все, находившиеся у власти перед выборами, проиграли их. Такое положение объяснялось рядом факторов: обострением экономического кризиса, ростом числа безработных (почти 2,5 млн человек), падением курса лиры на 50%, увеличением внешнего долга до 15 млрд долл.⁵⁶, разгулом коррупции, злоупотреблений, борьбой между партиями в коалиционном правительстве Бюлента Эджевита, объединявшего левоцентристов (Демократическая левая партия), правоцентристов (Партия отечества) и ультра-националистов (Партия националистического движения). За два с половиной года (с 28 мая 1999 г. по 18 ноября 2002 г.) кабинет Бюлента Эджевита не смог обеспечить проведение единой политической линии, а экономические трудности, порожденные финансовым кризисом 2001 г., еще больше снизили популярность партий правящей коалиции, решившихся на проведение досрочных выборов. В сложившихся тяжелых жизненных условиях значитель-

ная часть электората голосовала «протестно» – избиратели поддерживали те силы, которые не несли ответственности за трудности, переживаемые народом. Вместе с тем экономическая стабилизация последних лет позволила ПСР на июльских выборах 2007 г. еще раз подтвердить, что она является партией с наибольшей электоральной поддержкой: 22 июля 2007 г. ПСР показала результат на 12% больше, чем пять лет назад, завоевав в общей сложности 46,5%, что обеспечило ей 341 мандат в меджлисе и право вновь формировать «однопартийное» правительство⁵⁷.

Базовые принципы организационной структуры, победившей на всеобщих выборах 2002 и 2007 гг. ПСР, были во многом позаимствованы у ПБ и ПД. Однако гораздо важнее было стремление ПСР представлять интересы широкой коалиции разных слоев турецкого населения, иными словами – олицетворять «политический центр»⁵⁸. Лидеры ПСР приводили в пример Демократическую Партию (1946–1960) в 1950-е, Партию Справедливости (1961–1981) в 1960-е, Партию Отечества (осн. в 1983) в 1980-е годы⁵⁹ – все это были правоцентристские силы, обладавшие в свое время широкой общественной поддержкой и занимавшие лидирующие позиции в политической жизни страны, но утратившие их вследствие ухудшения экономической ситуации в стране.

В своем программном документе, названном «Программой демократии и возрождения», ПСР отрекается не только от прежних лидеров движения Милли Гёрюш, но и его основных идеологических установок, провозглашая своим главным политическим приоритетом «демократический консерватизм». И если тему «возрождения и развития» (т.е. реформ и модернизации) в какой-то степени можно отнести к наследию правоцентристских политиков начиная с 1950 г., то призыв к «углублению демократии» явно определялся опытом, извлеченным из событий 28 февраля 1997 г. – примера чрезмерного давления на политическую систему со стороны судебной власти и армии, с рецидивами которого можно бороться только большей демократизацией гражданского общества и политической системы.

Учитывая, с одной стороны, исламистские корни лидеров новой партии, а с другой – ее установку на консерватизм, ПСР можно рассматривать как «неоисламистское» движение, сохраняющее исламские принципы в социальной сфере, но избавляющееся от них в области политики. Показывая, как исламские социальные установки с ее системой образования, принципами коммерческой деятельности и социальной солидарностью подрывались политизацией ислама в 1990-е гг., ПСР говорит о необходимости сохранить социально-экономическую основу ислама как базис «консерватизма»

по-эрдогановски⁶¹, отстраняясь при этом от исламизма в партийной программе и своих предвыборных декларациях⁶².

Отношение ПСР к вступлению Турции в ЕС сильно отличается от привычной позиции исламистов. Членство в Евросоюзе рассматривается как закономерный итог модернизации страны: «Стремление соответствовать Копенгагенским критериям в сфере политики – это важный шаг вперед на пути модернизации страны», – говорилось в предвыборном манифесте ПСР⁶³. Со времени своего формирования первое правительство ПСР (2002–2007) провело ряд важных реформ⁶⁴, затронувших такие застаревшие проблемы, как курдский вопрос, права человека и отношения между гражданской и военной элитами, и готово было пойти на политически рискованный компромисс в решении проблемы Кипра (2004). Стремясь в ЕС, ПСР со своими исламистскими корнями уже, по-видимому, окончательно оставила идею создать исламское государство в Турции, поскольку процесс евроинтеграции по сути исключал подобную возможность⁶⁵. В свою очередь антиглобалистские настроения в партии были подавлены аргументами, что Турция не в изоляции, а в интеграции с внешним миром создает предпосылки для своего дальнейшего развития – экономического, политического и культурного⁶⁶.

Происламские политики 1990-х гг., большинство которых составили костяк Партии справедливости и развития, отказались от «антизападничества», традиционно являвшегося стержнем политической идентичности исламистов. Этот шаг объяснялся в том числе и тем, что западные ценности демократии, прав человека и господства закона оказались более подходящими для формирования широкой коалиции против кемалистов и противостояния кемалистской гражданской и военной элите. Перед лицом постоянной угрозы со стороны своего извечного противника – армии, мнение которой сильно влияло на позицию судебных властей и представителей высшего слоя государственной бюрократии, как и на прокемалистские СМИ, исламисты скоро осознали, что выжить им удастся только в демократически ориентированной стране, где уважаются гражданские и политические права и свободы, стране – члене европейских международных политических и экономических организаций⁶⁷. Этот идеологический поворот, суть которого – отказ от антизападничества и упор на ценности демократии и прав человека, служил оправданием самому существованию «умеренной» исламской политики в Турции⁶⁸.

Под нажимом кемалистской элиты, представленной значительной частью университетской профессуры и крупного национального капитала, высшим офицерством и гражданской бюрократией разных

уровней, исламисты искали союза с Западом и либеральными силами внутри страны, дистанцировавшимися от наследия авторитарного режима. Многочисленные западные общественные фонды, Европейский Союз, Европейский Суд по правам человека и т.д. – все эти международные организации были довольно критичны в отношении ситуации с правами человека и демократией в Турции. Поэтому исламисты солидаризовались с западным общественным мнением в требовании углубления демократизации Турции, расширения гражданских и политических свобод⁶⁹.

Проевропейская позиция исламистов тоже объяснялась сугубо прагматическими интересами. Ведь было очевидно, что чем сильнее Анкара будет дистанцироваться от Запада и ЕС, тем навязчивее будет опека над молодой турецкой демократией со стороны армии, продолжавшей рассматривать исламистов как опасную угрозу и рудимент прошлого. Так, ЕС невольно стал союзником исламистов в их стремлении ограничить влияние армии на политику в Турции и создать такую политическую систему, где бы исламисты находились в центре властных структур и при этом обладали полной легитимностью. Кроме того, нельзя забывать, что снижение степени воздействия армии на политику, логичного результата углубления демократии, ставшего важным условием для Турции на пути в ЕС, делают кемалистскую государственную идеологию, главным защитником которой и выступает армия, совсем неподходящей для Турции – члена ЕС⁷⁰. Не говоря уже о том, что ни в одном государстве Евросоюза в принципе нет официально провозглашенной государственной идеологии.

Исламисты прекрасно помнили, что со времени начала реформ Танзимата в 1839 г. за модернизацией в Турции стояли европейские державы, вынуждавшие страну идти по пути политической, экономической и военной трансформации⁷¹. Исторически сложившийся взгляд на Запад как силу, способную вызвать реформаторский подъем в Турции, также сыграл определенную роль в сближении взглядов политического ислама с западными ценностями демократии и прав человека. Полагая, что требования ЕС совершенствования политической системы и развития гражданского общества отчасти совпадают с их стремлением получить союзников в борьбе с кемалистской элитой⁷², исламисты приняли новый позитивный взгляд на Запад, членство Турции в ЕС и ее участие в глобальных процессах мировой интеграции⁷³. Это был разрыв с самой традицией политического ислама в Турции, базировавшегося на неприятии западной цивилизации, глубокого недоверия к ее ценностям и жесткой критики вестернизации Турции.

Вместе с тем трансформация движения политического ислама стала для кемалистов проверкой на последовательность их отношения к Западу и доведения проекта вестернизации до логического конца – создания реально демократического государства. Ситуация вокруг наиболее острых проблем, находящихся в фокусе общественного внимания (таких, как курдский сепаратизм, права человека и реисламизация публичной сферы и общества), все чаще заставляла кемалистов обращаться к идее заговора Запада против Турции⁷⁴. Как только в печати заходила речь о критической позиции Запада по вопросу курдской проблемы или прав человека, появлялись сравнения с отношением к Турции со стороны Антанты, выраженным в Севрском договоре (1920)⁷⁵. Более того, кемалисты стали обвинять Запад в помощи курдам и фактическом содействии усилению политического ислама в стране, говорить, что, если демократия – это политический строй, который приведет к власти исламистов, соблюдение прав человека – это механизм защиты исламистов, а сама вестернизация начинает служить интересам политического ислама, то нет никакого смысла продолжать такую «вестернизацию» и стремиться к ее полному завершению⁷⁶.

Исламисты ответили на идеологическую дилемму традиционно прозападной кемалистской элиты (своего главного соперника) принятием либеральной политической платформы, с одной стороны, получая поддержку со стороны руководящих кругов ЕС и турецких либеральных интеллектуалов, с другой – пытаясь делегитимизировать платформу кемалистов, всегда числивших себя западниками. Беря на вооружение «современные политические ценности», исламисты надеялись загнать в угол кемалистов, так легко отказывавшихся от «идеалов демократии» в пользу «элитарной республики»⁷⁷.

В итоге исламисты принялись без устали демонстрировать верность демократии и плюрализму как основе и гарантии их политического и общественного выживания, а кемалисты все чаще стали говорить о том, что западные политические ценности демократии, прав человека и правления закона плохо подходят турецким «реалиям»⁷⁸.

Поскольку кемалисты фактически отказываются от идеалов вестернизации, часть западного истеблишмента решила постепенно свернуть проекты делового сотрудничества с представителями кемалистской элиты, которых они когда-то считали прозападно настроенными архитекторами современной Турции⁷⁹. В результате такого взаимного недоверия был нарушен исторически сложившийся баланс сил. Резкая перемена в оценках западного мира и вестернизации у кемалистов помогла исламским политикам преодолеть традиционное недоверие по отношению к Западу как старому союз-

нику кемалистов, а критика кемалистского авторитаризма, развернувшаяся в Европе в последнее десятилетие⁸⁰, только подтвердила эффективность стратегии, выбранной исламистами.

Успех, которого ПСР добилась на выборах 2007 г., и все возрастающая популярность партии Тайипа Эрдогана помимо идеологической имеет под собой экономические и политические причины. По результатам опросов общественного мнения, проводившихся авторитетным агентством КОНДА⁸¹, главный фактор, определивший решение людей проголосовать за ПСР, – это экономическая ситуация в стране. За те пять лет, что ПСР находится у руля, Турция достигла ежегодного роста экономики в 7,5%, рекордных объемов иностранных инвестиций, стремительно возросших с 1,2 млрд долларов до 20 млрд, и снижения уровня инфляции⁸². Сеть социальной помощи, программа которой была развернута благодаря ПСР, сыграла колоссальную роль в смягчении негативных последствий перехода к экспортно-ориентированной рыночной экономике. Кроме того, курс турецкой валюты, потерявшей в одночасье шесть нулей по деноминации 2005 г., оказался на удивление стабильным, а новая лира даже стала расти по отношению к доллару и евро (за 2006–2007 гг. на 10–20%). Всеобщие выборы показали, что людей больше заботит их повседневная жизнь, чем гипотетическая исламская угроза в лице ПСР. Иными словами, не идеологическая пропаганда определила ход событий и предпочтения избирателей, а рост уровня жизни и социальная ориентированность правительства⁸³.

Что касается политических факторов успеха ПСР, то наиболее важный среди них – это личность самого Тайипа Эрдогана, его имидж реального лидера центристских сил в Турции, умение говорить на языке, близком и понятном большинству избирателей. К тому же и Абдуллах Гюль обрел почти такой же политический вес, как и Тайип Эрдоган, поскольку многое в выборной платформе ПСР строилось вокруг кампании против избрания Абдуллаха Гюля президентом. Что касается предвыборной платформы ПСР, то едва ли не главную роль в ней играла идея «притеснения» (*маз-люм*)⁸⁴ «черных турок» (т.е. тех, кто маргинализировался властной системой) «белыми», с которыми отождествлялся кемалистский истеблишмент. Этот тезис о разделении общества на черных и белых был прекрасно воспринят простыми турками и, кроме того, мобилизовал на поддержку ПСР исламистские организации⁸⁵. ПСР организовала массовые митинги в 58 провинциях (для сравнения НРП – лишь в 20), стараясь заявить о себе буквально в каждом уголке Турции⁸⁶. Даже несмотря на то что ПСР не предложила никакого политического решения курдской проблемы, равно как и не выдвинула внятной программы экономического развития для отста-

лых регионов, курдское меньшинство охотно отдало свои голоса в пользу ПСР⁸⁷. И главная причина состоит в том, что курды видят в ПСР главную антикемалистскую политическую партию. Заявление Генерального штаба от 27 апреля 2007 г.⁸⁸, содержащее плохо скрываемую угрозу военного переворота, еще больше усилило у курдов чувство сопричастности с ПСР, породило иллюзию того, что и РПК и ПСР вместе противостоят «репрессивному», в их представлении, кемалистскому государству. К тому же многие по достоинству оценили ответный «меморандум» ПСР и ее апелляцию к закону и Конституции⁸⁹. Предвыборная платформа ПСР ко всему прочему была одной из наиболее прокурдских по своему настрою, и люди посчитали, что у ПСР есть программа «декемализации» общества, возрождения полинационального государства с децентрализацией власти в соответствии с новой Конституцией, работа над проектом которой началась в мае 2007 г.⁹⁰

Развитие прозападного направления политического дискурса, принятие ценностей либеральной демократии не только разрушили сложившиеся представления и трактовки политического ислама в Турции, но и послужили основой для возникновения новой исламистской политической идентичности, в рамках которой ценности ислама сохраняются в социальной и экономической сферах, но вытесняются из области политики, где на первый план выходят групповые интересы. Само появление на политической сцене ПСР – умеренной исламистской партии, отколовшейся от Милли Гёрюш и отказавшейся от антизападной риторики, принявшей политические ценности демократии и прав человека и выступающей за скорейшую интеграцию с ЕС – в определенном смысле показывает вектор эволюции политического ислама в Турции.

Примечания

¹ См.: Данилов В.И. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества // Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999. С. 222.

² См.: *Erbakan N. Türkiye'nin Meseleleri ve Çözümleri*: Program. Ankara, Temmuz, 1991.

[<http://www.necmettinerbakan.org/erbakankitap.asp>]

<http://www.radikal.com.tr/1998/09/12/yazarlar/turalk.html>

В группу наиболее крупных развивающихся мусульманских государств М8 (или D8 – «Developing Eight», как эта организация провозгласила себя на первом съезде в Стамбуле 15 июня 1997 г.) входят Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан и Турция [См.: <http://www.developing8.org/>].

³ Исламизм, политический ислам – понятия одного порядка, означающие проект создания политических условий для применения исключительно

исламских норм во всех сферах общественной жизни [см.: Исламизм: глобальная угроза? М., 2000. С. 4; Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 24–26].

⁴ См.: *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм– панисламизм). М., 1985. С. 130–201.

⁵ *Göle N.* Secularism and Islamism in Turkey: The Making of Elites and Counter-Elites // *Middle East Journal*. 1997. Vol. 51. No 1. P. 46–58.

⁶ *Kocatürk U.* Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi. Ankara, 1983. S. 476.

⁷ Ibid. S. 559 Важно отметить, что Турецкая Республика, в отличие от ведущих западноевропейских стран, до сих пор остается государством с официальной идеологией. Основные принципы кемализма рассматриваются как фундаментальная основа современного турецкого государства, а их защита, согласно ст. 34 Устава внутренней службы, является главной задачей турецкой армии.

⁸ Об этом свидетельствуют массовые протесты населения против кемалистов (это и восстание шейха Саида (1925), и волнения в Менемене (1930), и массовые выступления в Дерсиме (1936–1937), и др.).

⁹ *Mardin Ş.* Ideology and Religion in the Turkish Revolution. // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 2. No 3 (1971). P. 197– 211; см. также: *Doğan M.* Batılılaşma İhaneti. İstanbul, 1986; *Harputlu A.* İslamcıların Batı Tahayyülü // *Bilgi ve Düşünce*. 2002. С. 1. No 1 (2002). S. 23–27).

¹⁰ Кемалистские реформы в Турции дали жизнь классу государственных служащих, гражданских и военных технократов, обладающих знаниями и организаторскими способностями, умением и возможностью говорить на одном языке с европейской интеллигенцией. Именно эту достаточно обширную социальную группу, тесно связанную с государством, в научной литературе принято обобщенно именовать «кемалистами».

Один из определяющих факторов противостояния кемалистов и исламистов состоит в том, что кемалистская элита продолжает позиционировать себя руководящей и направляющей силой турецкой нации, а секуляризм/лаицизм (процесс, в ходе которого религиозная мысль, институты и практика утрачивают социальное значение, его главная задача – устранение влияния религии в различных сферах общественной жизни, ее «освобождение») рассматривает как краеугольный камень реформ и необходимый компонент модернизации и социальных перемен.

¹¹ *Mardin Ş.* Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics? // *Daedalus, Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 102. No 1 (Winter 1973). P. 169–191; *Göle N.* Secularism and Islamism in Turkey: The Making of Elites and Counter-Elites // *Middle East Journal*. 1997. Vol. 51. No 1. P. 46–58.

¹² См.: *Поцхверия Б.М.* Эволюция исламизма в республиканской Турции // *Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии*. М., 2004. С. 57.

¹³ Новая Конституция провозглашала Турцию «национальным, демократическим, светским, социально-правовым» государством, подтверждала право создания политических партий и т. д. Провозглашенные в ней свободы давали демократическим силам страны некоторые возможности бороться за социальные и другие права, но вместе с тем открывали дорогу легаль-

- ной деятельности и политическому исламу и радикальному тюркизму [см.: Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 310].
- ¹⁴ См.: Ли Ю.А. Ислам в системе образования в Турции // Восток. 1998 №6. С. 100–125.
- ¹⁵ Помимо защиты исламских ценностей в программных установках ПНД («9-ти лучах» – «Dokuz Işık») фигурировали: национализм, «устремленность к идеалу» (превращение турецкой нации в самую передовую и сильную), социальность, аграрность, индустриализация и технизация страны и др. [см.: Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005. С. 132].
- ПНД обращала особое внимание на националистическое воспитание молодежи, развитие религиозного образования, необходимость влияния государства на средства массовой информации, была за большую самостоятельность Турции во внешнеполитических проблемах [Эволюция политических систем на Востоке. М., 1999. С. 197].
- ¹⁶ См.: Поцхверия Б.М. Указ. соч. С. 58–59.
- ¹⁷ Партия национального порядка (Milli Nizam Partisi – MNP) была создана 26 января 1970 г. со штаб-квартирой в Анкаре и закрыта по решению Конституционного суда 20 мая 1971 г. [<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>].
- ¹⁸ Партия Национального спасения (Milli Selamet Partisi – MSP) была создана 11 октября 1972 г. со штаб-квартирой в Анкаре и запрещена 16 октября 1981 г. [<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>].
- Важную роль в том, что исламистам удавалось достаточно быстро на месте запрещенной партии создавать новую (это и случай Партии национального спасения в 1972 г., и Партии Благочестия в 1983 г.) играли вакфы (мусульманские благотворительные фонды), позволявшие сохранять незатронутой финансовую и кадровую базу исламистского движения [см.: Шлыков П.В. Парадоксы возрождения вакфов в современной Турции // Современная Турция: проблемы и решения. М., 2006. С. 67–100].
- ¹⁹ Toprak B. Politicization of Islam in a Secular State: The National Salvation Party in Turkey // From Nationalism to Revolutionary Islam: Essays on Social Movements in the Contemporary Near and Middle East. N.Y., 1984.
- ²⁰ Примечательно, что религиозный национализм, проповедуемый исламистскими партиями, подтверждался использованием двусмысленности самого слова *milli*, с одной стороны, означающего «национальный», а с другой – относящего к кораническому «*милля*» – общине верующих (умме). Поэтому для выражения своих политических взглядов партии Неджметтина Эрбакана не требовалось ссылаться на ислам, достаточно было подчеркнуть приверженность «национальному взгляду». Тем самым обходился запрет на использование религии в политических целях, особое положение национализма в Турции служило прикрытием для религиозной идентичности [Yıldız A. Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // Muslim World. 2003. Vol. 93. No 2. P. 190; Erbakan N. Milli Görüş. İstanbul, 1975].
- ²¹ Dagi İ.D. Kimlik, Söylem ve Siyaset: Doğu-Batı Ayrımında Refah Partisi Geleneği. Ankara, 1999. P. 23–25, 42–75.
- ²² Milli Gazete. 4/12/95.
- ²³ Erbakan N. Milli Görüş. İstanbul, 1975. S. 43–50; http://www.necmettinerbakan.org/icerik.asp?id=5&cat_id=283&acat_id=655
- ²⁴ Dagi İ.D. Op. cit. S. 23.

- ²⁵ Erbakan ve Türkiye'nin Temel Meseleleri. Ankara, 1996. S. 99–100; *Milli Gazete*. 21/09/95.
- ²⁶ Следует помнить, что у Кемаля Ататюрка подобного разделения не было. Культурная и технологическая модернизация трактовались как взаимозависимые части единого целого.
- ²⁷ Партия Благосостояния (Refah Partisi – RP) была создана 19 июля 1983 г. со штаб-квартирой в Анкаре и запрещена решением Конституционного суда 16 января 1998 г.
<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>
- ²⁸ После переворота 12 сентября 1980 г. деятельность всех политических партий была приостановлена, а уже 16 октября 1981 г. законом № 2533 они были распущены [Osmanlı'dan Günümüze Seçimler (1877–2002). İstanbul, 2003. S. 463]. С вступлением в силу нового закона о партиях (апрель 1983 г.) СНБ отменил запрет на политическую деятельность. В 1983–1986 гг. было создано около 20 политических партий. Наиболее крупные из них:
- праворадикальные Партия отечества (ПО) и Партия верного пути (ПВП);
 - леворадикальные социал-демократические Народно-республиканская партия (НРП) и Демократическая левая партия (ДЛП);
 - националистическая Партия националистического движения (ПНД);
 - исламистская Партия Благосостояния (ПБ).
- ²⁹ Öniş Z. The Political Economy of Islamic Resurgence in Turkey: The Rise of the Welfare Party in Perspective // *Third World Quarterly*. 1997. Vol. 18. No 4. P. 743–766.
- ³⁰ По данным Турецкого статистического общества (Türkiye İstatistik Kurumu – <http://www.tuik.gov.tr/>), в 1994 г. «за чертой бедности» жило 28% населения страны (в 2004 г. этот показатель составил 25%, в 2005 г. – 20,5%, а в 2006 г. – 17,8%). Турецкие социологи приводили еще более удручающие данные о жизни наиболее бедной части населения страны. Уже после выборов обозреватель газеты «Дюнья» Метин Мелен писал: «Шумиха политической борьбы не приносила никакой пользы, лишь порождала инфляцию и воровство. Все это видит народ и приходит к выводу, что не осталось никаких надежд, кроме мечети» [цит. по: Киреев Н.Г. Указ. соч. С. 359–360].
- ³¹ В частности, организация бесплатных общественных столовых, политика контроля за ценами на продукты питания и товары первой необходимости, обеспечение водоснабжения (в первую очередь районов *геджеконду*, где проживали малоимущие слои) [White J.B. *Islamist Mobilization in Turkey. A Study in Vernacular Politics*. Washington, 2001. P. 154].
- ³² На всеобщих выборах 24 декабря 1995 г. Партия благосостояния (ПБ) набрала 21,4%, Партия Отечества (ПО) – 19,6%, Партия верного пути (ПВП) – 19,2%, Демократическая левая партия (ДЛП) – 14,6%, Народно-республиканская партия (НРП) – 10,7% [*Resmî Gazete*. 1996. 03.01].
- Для сравнения: на выборах 20 октября 1991 г. ПБ набрала только 16,9%, ступив в ПВП с 27%, ПО с 24% и Социально-демократическая народная партия с 20,8%. Из преодолевших 10-процентный барьер ПБ обошла только ДЛП с 10,8% [*Resmî Gazete*. 1991. 17.11].
- ³³ http://members.tripod.com/discover_turkey/REFAH.htm
- ³⁴ *Hürriyet*. 9/03/1999; *Sabah*, 20/10/1999; <http://www.inminds.com/nijab-ban/kavakci.html>.

В день принятия присяги депутатами парламента, избранного 14 апреля 1999 г., разгорелся скандал, связанный с тем, что депутат от Партии добродетели Мерве Кавакчи, находясь в здании меджлиса, не сняла традиционный мусульманский платок. Депутаты-лаицисты потребовали, чтобы она ушла. Этот скандал был среди поводов для нападков на партию с целью ее дискредитации и запрета и вместе с тем способствовал росту популярности происламского политического движения.

³⁵ *Hürriyet*. 4/11/97.

³⁶ См.: *Yavuz M.H.* Cleansing Islam From the Public Sphere // *Journal of International Affairs*. Vol. 54. No 1 (2000). P. 21–40; *Sakallıoğlu Ü.C., Çınarlı M.* Turkey 2002: Kemalism, Islamism and Politics in the Light of the February 28 Process // *South Atlantic Quarterly*. 2003. Vol. 102. No 2/3. P. 309–332.

³⁷ *Куреев Н.Г.* Указ. соч. С. 355–365; *Поцхверия Б.М.* Эволюция исламизма в республиканской Турции // *Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии*. М., 2004. С. 58–63; *Yavuz M.H.* Political Islam and the Welfare (Refah) Party in Turkey // *Comparative Politics*. 1997. Vol. 30. No 1. P. 63–82; *Öniş Z.* Op. cit. P. 743–766; *Gülalp H.* Political Islam in Turkey: The Rise and Fall of the Refah Party // *Muslim World*. 1999. 2003. Vol. 89. No 1. P. 24–36; *Yıldız A.* Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // *Muslim World*. Vol. 93. No 2. P. 187–210.

³⁸ *Salt J.* Turkey's Military Democracy // *Current History*. 1999. Vol. 98. No 626. P. 72–78.

³⁹ Партия Добродетели (Fazilet Partisi – FP) была создана 18 декабря 1997 г. со штаб-квартирой в Анкаре и запрещена решением Конституционного суда 22 июня 2001 г. ([<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>])

⁴⁰ Зия Ониш охарактеризовал эту идеологическую трансформацию как переход к «либеральному исламу» [*Öniş Z.* Political Islam at the Crossroads: From Hegemony to Co-existence // *Contemporary Politics*. 2001. Vol. 7. No 4. P. 283–284].

⁴¹ *Mecham R.Q.* From the Ashes of Virtue, a Promise of Light: The Transformation of Political Islam in Turkey // *Third World Quarterly*. 2004. Vol. 25. No 2. P. 345–356.

⁴² *Radikal*. 18/12/98.

⁴³ В 1987 г. Турция официально обратилась с просьбой о принятии ее в Европейский Союз, однако западные эксперты сочли, что с точки зрения экономического развития Турция не готова к вступлению в ЕС. В Европе также потребовали, чтобы Турция должным образом занялась проблемами демократии и прав человека в стране, что является условием принятия в Евросоюз [См.: *Куреев Н.Г.* Указ. соч. С. 348].

⁴⁴ *Radikal*. 18/12/98.

⁴⁵ На саммите ЕС в Копенгагене в 2002 г. был зафиксирован ряд требований политического, экономического и законодательного характера, которые Турция должна выполнить, чтобы претендовать на членство в ЕС.

⁴⁶ *Hürriyet*. 04/05/00.

⁴⁷ *Hürriyet*. 04/05/00. После очередного раунда переговоров Турция–ЕС в 2001 г. тогдашний министр иностранных дел Швеции Анна Линд и еврокомиссар по проблемам развития Гюнтер Верхуген предупредили Тур-

цию, что закрытие политических партий – серьезное препятствие на пути плюралистической демократии (имея, конечно, в виду случай с Партией Добродетели [Radikal. 27/06/01]). Однако вскоре после этого партия была распущена по решению Конституционного суда, которое, кстати, Реджаи Кутан детально обсуждал *post factum* на встречах с западными дипломатами [Hürriyet. 07/07/01]. Очень примечательна в этом случае реакция все того же Гюнтера Верхугена. Еврокомиссар, комментируя закрытие ПД, подчеркнул, что «само по себе решение может быть и в рамках Конституции Турции, но проблема в самой конституции». Уже довольно скоро в Европарламенте был принят доклад, критикующий турецкую практику запрещения партий как «противоречащую нормам демократического государства и свободе самовыражения» [Radikal. 27/06/01].

- ⁴⁸ Абдуллах Гюль расценивал этот конгресс как первую попытку движения публично прибегнуть к самокритике и самоанализу. По его меткому выражению, «на том конгрессе партия [Партия Добродетели. – П.Ш.] вышла из аквариума прямо в открытое море» [Milliyet. 20/05/00; Radikal. 20/05/00].
- ⁴⁹ См. интервью Айдына Мендереса газете Миллиет [Milliyet. 08/11/00]. Еще один видный член ПД депутат Джемиль Чичек также высказывался за то, чтобы партия взялась за серьезную «работу над ошибками». «Самокритика необходима для развития в будущем», – подчеркивал он [Sabah. 26/06/01].
- ⁵⁰ В 2004 г. уровень поддержки вступления в ЕС достиг своего пика (по данным социологических опросов, «за» высказались ок. 80% респондентов), в 2006 г. показатель несколько снизился, остановившись на отметке в 70%, что связано было с тем, что дата предоставления полноправного членства в ЕС для Турции перенеслась на неопределенный срок [См.: Economist. 9/12/06].
- ⁵¹ Между тем сама ПД отрицала наличие идеологического спора внутри партии, объясняя все события майского конгресса как здоровое внутрипартийное соперничество за кресло председателя ПД [Milliyet. 29/10/00 и интервью Огузхана Асылтюрка газете Миллиет – Milliyet. 28/10/00].
- ⁵² Yeşilada B. The Virtue Party // Turkish Studies. 2002. Vol. 3. No 1. P. 68– 79.
- ⁵³ Партия Счастья (Saadet Partisi – SP) была создана 20 июля 2001 г. со штаб-квартирой в Анкаре и существует по настоящее время.
<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>
- ⁵⁴ Mecham R.Q. From the Ashes of Virtue, a Promise of Light: The Transformation of Political Islam in Turkey // Third World Quarterly. 2004. Vol. 25. No 2. P. 339– 358.
- ⁵⁵ См.: Зиганишина Г.М. От радикального исламизма к умеренному: успех Партии справедливости и развития (Турция) // Meyeriana: Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера. Т. II. М., 2006. С. 110–117; Özel S. Turkey at the Polls: After the Tsunami // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14. No 2. P. 80– 94; Öniş Z., Keyman E.F. Turkey at the Polls: A New Path Emerges // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14. No 2. P. 95– 108; Çarkoğlu A. Turkey's November Elections: A New Beginning? // Middle East Review of International Affairs. 2002. Vol. 6. No 4. P. 30– 41; Coşan S., Özman A. Centre-Right Politics in Turkey after the November 2002 General Election: Neo-Liberalism with a Muslim Face // Contemporary Politics. 2004. Vol. 10. No 1. P. 57– 73; Mecham R.Q. Op. cit. P. 339– 358.

- ⁵⁶ Данные Турецкого статистического общества (Türkiye İstatistik Kurumu – <http://www.tuik.gov.tr/>).
- ⁵⁷ <http://www.akparti.org.tr/secimsonuc.asp>
- ⁵⁸ Перед основанием своей партии Тайип Эрдоган вел переговоры со многими людьми, представляющими разные, порой антагонистические, общественные группы – от бизнесмена Рахми Коча до отставного генерала Атиллы Кыята [*Sabah*. 25/06/01; *Sabah*. 04/07/01].
- ⁵⁹ *Milliyet*. 15/07/01. О Тайипе Эрдогане – тогда еще мэре Стамбула – как умеренном политике писал Метин Хепер [*Heper M. Islam and Democracy: Toward a Reconciliation?* // *Middle East Journal*. 1997. Vol. 51. No 1. P. 37].
- ⁶⁰ *Akdoğan Y. Muhafazakar Demokrasi*. Ankara, 2003. Книга Ялчина Акдогана примечательна тем, что это – попытка теоретического доказательства, что ПСР – консервативно-демократическая партия, и опровержения ее исламистского характера. Несколько позже ПСР даже организовала международный симпозиум по проблемам консерватизма. На этом научном форуме, прошедшем в Стамбуле 10– 11 января 2004 г., Тайип Эрдоган выступил с программной речью, очерчивающей консервативные позиции своей партии [*Uluslararası Muhafazakarlık ve Demokrasi Sempozyumu*. Ankara, 2004. S. 7–17].
- ⁶¹ См.: *Yavuz M.H. Towards an Islamic Liberalism? The Nurcu Movement of Fethullah Gulen* // *Middle East Journal*. 1999. Vol. 53. No 4. P. 584–605.
- ⁶² *Hürriyet*. 07/07/01; *Milliyet*. 15/07/01; <http://www.akparti.org.tr/program.pdf>; *Uluslararası Muhafazakarlık ve Demokrasi Sempozyumu*. S. 7–17.
- ⁶³ <http://www.belgenet.com/secim/bildirge/akp2002-1.html>; <http://www.akparti.org.tr/beyanname.doc>
- ⁶⁴ Понижение статуса и роли СНБ (2003) (его решения стали носить рекомендательный характер, а не обязательный, как было ранее, генсеком СНБ впредь становилось гражданское лицо), отмена чрезвычайного положения в шести курдских вилайетах в 2002 г.; ратификация Пакта о гражданских и политических правах и Пакта о социальных и культурных правах (2003), содержащих понятие нацменьшинств, самоопределение наций и право на использование родного языка; начало вещания на курдском языке (2003), Новый закон об ассоциациях (2004), Новый закон о вакфах (2008).
- ⁶⁵ Известный идеолог исламизма Али Булач еще в 1999 году объявил, что проект создания исламского государства в Турции провалился [*Radikal*. 21/12/99]. См.: *Dagi İ.D. Rethinking Human Rights, Democracy, and the West: Post-Islamist Intellectuals in Turkey* // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 13. No 2. P. 135– 51.
- ⁶⁶ Из речи Тайпа Эрдогана в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне 28 января 2002 г. Цит. по: *Dagi İ.D. İslami siyasette Batı ufku* // *Radikal*. 03/03/02.
- ⁶⁷ Необходимость перемен в движении политического ислама прекрасно осознавалась самими исламистами. См.: *Akdoğan Y. Değişimin ve Dönüşümün Teorik Zemini* // *Bilgi ve Düşünce*. С. 1. No 4 (Ocak 2003). S. 12– 14.
- ⁶⁸ О «мягком» и «жестком» исламе в Турции см.: *Куреев Н.Г. Новая глава в истории Турции: «мягкий ислам» у власти* // *Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии*. М., 2004. С. 38– 50.

- ⁶⁹ Dagi İ.D. Rethinking Human Rights, Democracy, and the West: Post-Islamist Intellectuals in Turkey // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 13. No 2. P. 140–43.
- ⁷⁰ Is it Adieu to Atatürk? // *The Economist*. 16/10/99. Bulaç A. Niçin AB. // *Zaman*. 11/12/99; Bulaç A. Türkiye'nin ev ödevleri // *Zaman*. 16/02/00; Bulaç A. FP. 312 ve demokrasi // *Zaman*. 25/03/00; Bulaç A. AB tartışması // *Zaman*. 19/03/02.
- ⁷¹ См.: Kuşeev H.Г. История Турции. XX век. С. 23–62; Тодорова М.Н. Англия, Россия и Танзимат (вторая четверть XIX в.). М., 1981; Новичев А.Д. История Турции. Т. 2–4. Л., 1968–1978; Davidson R.H. Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, 1968. P. 78, 81; Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. Oxford, 1968. P. 45–72, 80, 122, 162; Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964.
- ⁷² Dagi İ.D. Human Rights and Democratization: Turkish Politics in the European Context. // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2001. Vol. 1. No 3. P. 51–68.
- ⁷³ Harputlu A. Türkiye'de İslamcılığın Dönüşümleri ve Yeni Politik Durum // *Bilgi ve Düşünce*. Cilt. 1. No 4 (Ocak 2003). S. 15–18.
- ⁷⁴ Sinanolu O. Küreselleşmenin Gerçek Yüzü // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.04.11/default.html>; Savaş V. AB'nin Önlenemeyen Düşüşü // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.04.25/default.html>; Savaş V. Kuşatılan Türkiye // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.05.02/default.html>; Özden Y.G. Kazalar Zinciri // <http://www.turksolu.org/63/ozden63.htm>.
- ⁷⁵ См.: Jung D. The Sevres Syndrom: Turkish Foreign Policy and its Historical Legacies // *American Diplomacy*. 2003. Vol. 8. No 2.
- ⁷⁶ Подобные настроения отчетливо проявились в ходе массовых антиисламистских митингов в апреле–мае 2007 г. (14, 29 апреля и 13 мая) [*Milliyet*. 14/04/07; *Hürriyet*. 29/04/07; *Hürriyet*. 13/05/07]
- ⁷⁷ См.: Özden Y.G. Biçimsel Demokrasi. // <http://www.turksolu.org/56/ozden56.htm>; Savaş V. Seçim Komedişi // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.04.04/default.html>. Йекта Озден был председателем Конституционного суда, когда запрещали Партию Благоденствия, а Вурал Саваш – государственный прокурор, открывший дело о запрете Партии Добродетели. Под «элитарной республикой» в данном случае понимается политическая система, основанная на элитизме – социально-философской концепции, утверждающей, что управление в принципе должно быть прерогативой представителей элит.
- ⁷⁸ *Cumhuriyet*. 05/01/07; *Cumhuriyet*. 24/04/07; *Cumhuriyet*. 31/05/07; *Cumhuriyet*. 26/11/07.
- ⁷⁹ Об этом говорят выступления некоторых депутатов Европарламента. Например, комментарии европарламентария от Голландии Ари Остландер [http://www.nethaber.com.tr/haber/arsiv/haberler/0,1106,83168_6_9094,00.html] и доклад эврокомиссара по внешним сношениям Криса Патена на конференции ЕС в Оксфордском университете [<http://www.zaman.com.tr/?hn=51832&bl=dishaberler&trh=20040525>]. И Ари Остландер и Крис Патен видят в кемализме большое препятствие на пути полной демократизации Турции.
- ⁸⁰ *Zaman*. 25/05/04.

- ⁸¹ Seçim'07. Siyasal Eğilimler Araştırmaları. Özet Rapor (18/07/2007). KONDA. İstanbul, 2007.
Опросы проводились со 2 февраля по 15 июля 2007 г. на территории 37 провинций и 150 уездов и охватили в общей сложности 32 тыс. человек.
- ⁸² *Sabah*. 01/11/2007; 12/09/2007; 12/12/2007.
- ⁸³ Статистические данные, опубликованные в крупнейшей турецкой газете *Сабах* [*Sabah*. 11/09/07; 01/11/07; 12/12/07]. За период с 2003 по 2007 г. ВВП в Турции в долларовом исчислении вырос с 239,235 млрд до 428,540 млрд [*Sabah*. 11/09/07].
- ⁸⁴ *Hürriyet*. 06/06/07; 25/06/07 ("Anketçiden zorunlu müdahale").
- ⁸⁵ *Milliyet*. 30/07/07.
- ⁸⁶ Об анатомии победы Тайипа Эрдогана на июльских выборах и мобилизации сети организаций сообщества Фетхуллаха Гюлена на поддержку ПСР см. интервью Алтана Тана газете *Миллиет* [*Milliyet*. 30/07/07].
- ⁸⁷ Курдская Партия демократического общества (ПДО) в «курдских районах» получила равное с ПСР количество голосов. Более того, парламентская фракция ПДО по многим вопросам поддерживает ПСР (в частности, Абдуллах Гюль был избран президентом 27 августа 2007 г. благодаря ее поддержке).
- ⁸⁸ Genelkurmay Başkanlığı'nın 27 Nisan 2007 tarihli açıklaması // http://www.tsk.mil.tr/10_ARSIIV/10_1_Basin_Yayin_Faaliyetleri/10_1_Basin_Aciklamalari/2007/BA_08.html
- От заявлений кемалисты вскоре перешли к делу: 14 марта 2008 г. прокурор Кассационного суда Абдурахман Ялчынкая возбудил в Конституционном суде дело о закрытии ПСР, обвиняя ее в исламизации турецкого общества.
- ⁸⁹ *Gündem*. 29/04/07 [<http://www.ozgurgundem.org/haber.asp?haberid=34876>]
- ⁹⁰ *Milliyet*. 30/07/07.